

Н. М. Окулова



УРАЛЬСКИЙ РОД ОКУЛОВЫХ

история и судьба

Н.М. Окулова

Уральский род Окуловых

история и судьба



Москва, 2018

УДК 82-94
ББК 84
О 526

Окулова Н.М.
О 526 Уральский род Окуловых. История и судьба. М.: Комментарий, 2018. — 78 с.

ISBN 978-5-94822-119-9

Окулова Наталия Михайловна (1935–2018) — известный ученый-териолог в областях экологии, медицинской зоологии и микроэволюции, доктор биологических наук, профессор. Ей опубликовано около 450 научных работ, включая крупные монографии. Она имела широкий круг интересов, хорошо рисовала и писала стихи. История создания альбома, который перед вами, описана во введении. Издание посвящено уральскому роду Окуловых от первых записей в летописи 1680 г. до наших дней. «Среди них нет великих людей — они из народа, из его сердца». Золотая лихорадка Восточной Сибири, царские тюрьмы, революция, ГУЛАГ, созидание, наука — вся история России данного периода отразилась в истории этой семьи. Представляет интерес и подборка фотографий, создание, хранение и копирование которых в те годы не были столь просты, как теперь.

УДК 82-94
ББК 84

ISBN 978-5-94822-119-9

© Хляп Л. А., 2018

ВВЕДЕНИЕ



В период моего детства и отрочества (30–40-е годы XX века) история и политика ассоциировались у меня с революцией, тюрьмой и кровью. Мои предки, имевшие революционные убеждения, активно участвовали в революции и гражданской войне и нередко оказывались в царских тюрьмах, на каторге и в сибирском поселении. Несколько человек стали жертвами революции или ГУЛАГа и не вернулись домой, другие, из того же или из более младшего поколения, десятки лет провели в сталинских лагерях, их здоровье и судьбы были искалечены, не говоря о разрушении семей из-за политических разногласий. Мужчины нашей семьи, как все воины, отдали Великой Отечественной войне дань своим

здоровьем и судьбами. Только после войны в семье началась эпоха созидания, пополам с голодом и нищетой, но зато с большими надеждами на будущее, как и у всех жителей нашей страны. Я не озлобилась, но всю жизнь стремилась быть как можно дальше от политики и истории. Слишком велики были жертвы, приносимые на их алтарь.

Когда я стала старше, мне открылись другие стороны исторической науки — ее поэзия, романтика, величие и огромное значение для понимания путей развития человечества. История стала для меня своеобразным источником тепла, сердечности. Мне кажется, что тепло сердец давно ушедших близких людей и сейчас согревает меня. Отыскивая в себе черты пред-

ков, я нашла в истории источник вдохновения, гордости, силы. Раньше судьба моего семейства, как и государства в целом, не интересовала меня. Но на исходе лет образ жизни, быт и традиции предков неожиданно приобрели особую ценность, наполняя меня крепостью, силой и гордостью, помогая переносить трудности, принимать решения, осознавать себя. Я все больше ощущаю, что поколения предков как будто поддерживают меня на поверхности житейского моря, укрепляют дух и волю.

Прошли годы. Сложилось так, что у меня нет семьи, я посвятила свою жизнь науке. Об этом нисколько не жалею, но в минуту слабости как-то раз спросила Евгению Васильевну Карасеву, крупного специалиста в своей области, наставившую меня на путь зоологии: «А разве нельзя просто жить?» — то есть без служения науке, революции или чему-то другому. Она ответила: «Я не смогу. И ты не сможешь». И это правда.

Большой опозитизированный портрет моей двоюродной бабушки Глафиры Ивановны

как образ революции украшает зал ожидания на железнодорожном вокзале в Иванове, а небольшая улочка в этом городе носит ее имя. В Москве на выходе из метро «Комсомольская» (радиальная) на большом настенном панно изображена в числе других добровольцев-строителей девушка, типажом своим похожая на мою маму, которая тоже строила эту станцию в 1930-е годы. В годы студенчества я принимала участие в строительстве стадиона «Лужники». Все это как-то объединяет и роднит меня с историей Москвы и страны в целом.

Такие мысли о предназначении человека привели меня к стремлению узнать историю семьи, характеры и судьбы предков. Среди них нет великих людей — они из народа, из его сердца. Вся история России отразилась в истории одной семьи, каждая семья по крупицам создавала образ нашей страны, ее современный облик. Вместе с нашими предками мы создали современную Россию.



Наталия Михайловна и Глафира Ивановна Окуловы. 1957 г.

Альбом «Уральский род Окуловых. История и судьба» я составила на основе домашнего архива — фотографий, писем, других документов рода. В связи с тем, что наша близкая родственница Глафира Ивановна Окулова являлась крупным деятелем Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года и первых лет советской власти, о ней опубликовано много воспоминаний, а также книга моей матери И. И. Окуловой «В революционной семье» (Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1971. 288 с.). В этой книге сосредоточены важнейшие сведения и документы, касающиеся революционной деятельности всех членов семьи.

Однако мне показалось, что история, фотографии, сведения о жизненном укладе и судьбе российской семьи на протяжении полутора веков могут быть, независимо от политических событий, просто интересны с житейской точки зрения для многих читателей, и не только историков. Вместе с двоюродным



братом Валерием Авенировичем Вороновым мы составили родословные наших родственно связанных семей. А потом мне захотелось узнать более подробно о близких родственниках из рода Окуловых, среди которых я выросла. В этой работе я использовала данные книжного каталога Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека), а позже — материалы из интернета.

Считается, что фамилия Окуловы произошла от имени Окул (или Акул, Викул, Вакула в разных местностях), что означает хитрец, обманщик. Данная фамилия чаще всего встречается на севере Европейской России, в Архангельской, Вологодской областях и на Урале. Дворяне — обладатели фамилии Окуловы жили в Санкт-Петербурге, Твер-

ской, Ярославской, Вологодской, Рязанской областях.

На северном Урале наша фамилия впервые фиксируется в летописи 1680 года: крестьянин Степан Алексеевич Акулов, уроженец Вергольской волости Устюжского уезда Пермской губернии в 1661–1662 годах пришел в Невьянскую слободу и поселился в деревне Ключевской на реке Реж.

У Степана Алексеевича был сын Иван (Мосин А. Г. Словарь уральских фамилий. Екатеринбург, 2000. Также см. Мосин А. Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург: Изд-во «Гощинский», 2008). Позже фамилия варьировалась, в «окающих» местностях стала произноситься и писаться как «Окулов», иногда название «Окулин» стало звучать как «Окулов».

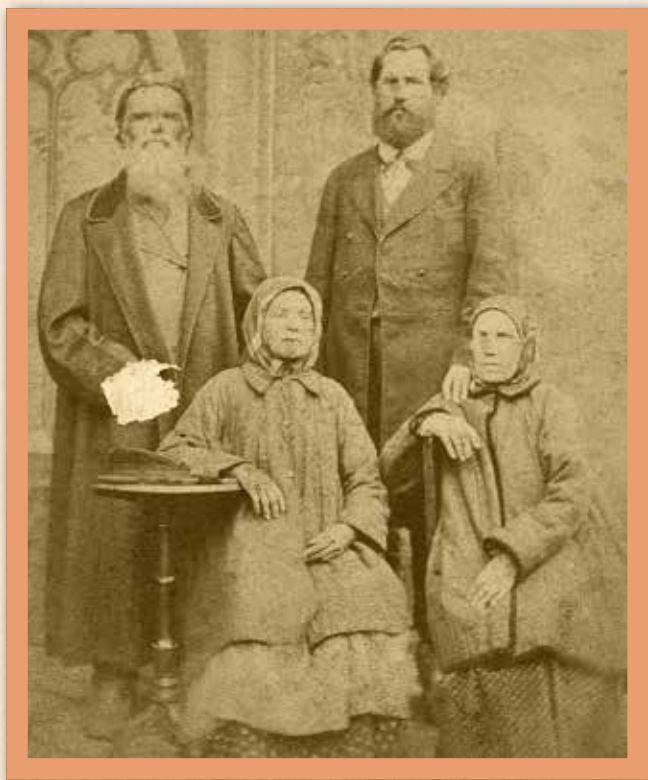
ДРЕВНИЕ ПРЕДКИ



Первые достоверно известные предки нашего рода — Петр Севастьянович и Параскева Ивановна Окуловы. Их имена запечатлены в сохранившейся выписке из церковной книги Троицкой церкви в селе Киприно Аятской волости Екатеринбургского уезда (позже Невьянского района). Выписка является свидетельством о рождении в 1843 году Ивана Петровича Окулова, сына упомянутой четы. Деревня Киприно (Кипренская) расположена в 30 км от города Невьянск. Восприемниками при записи сына в церковную книгу были Корнилий Иванович и Устинья Севастьяновна Окулины (возможно, Устинья Севастьяновна была сестрой отца, Петра Севастьяновича).



Невьянск. Фото XIX в.



Самая старая фотография семьи Окуловых

У Петра Севастьяновича после старшего сына Ивана появились дети: братья Григорий, Василий (умер в 1908 году), Панфил (младший), а также сестры, в том числе Анна. Иван Петрович был дружен с Григорием и Панфилом, приглашал их впоследствии к себе в гости в Сибирь.

Первая фотография членов семьи Окуловых сделана до 1870 года на Урале. Она показывает достаток и уклад провинциальной крестьянской семьи, где добытчиками, защитниками и властителями являются мужчины, а женщины — скромные, незаметные и подчиненные существа. Таким, вероятно, был облик жителей деревни Киприно в течение десятков лет в середине XIX века.

Переехав в середине 1870-х годов в Невьянск, деревенские жители постепенно приобретают облик горожан, хотя и не среднего достатка, но и не из беднейших слоев. В их одежде и внешнем облике преобладает скромность, они даже не принаряжаются перед фотоаппаратом.

ИВАН ПЕТРОВИЧ ОКУЛОВ



Восемнадцать лет Иван Петрович ушел из семьи и с купеческим обозом направился пешком в Восточную Сибирь. Отец не дал ему паспорта, примирение произошло только через несколько лет. Пять лет Иван был рабочим (отвозчиком руды) на Абаканском металлоделательном заводе. В то время (1870–80-е годы), как отмечает замечательный геолог В. А. Обручев, в связи с открытием богатых месторождений Восточную Сибирь охватила золотая лихорадка, и в сибирские старатели хлынули многие искатели удачи. Иван Петрович оказался не новичком в этом деле, он получил некоторый старательский опыт во время добычи с отцом самоцветов и металлов на Урале. К тому же Иван Петрович был

наблюдательным, талантливым и удачливым золотоискателем. Вскоре ему удалось найти ряд богатых месторождений и начать вести разработку золота на ряде приисков. В лучшие годы в его собственности оказалось 38 приисков, он стал крупным сибирским золотопромышленником и вступил в купеческую гильдию.

Со временем взаимоотношения в семье изменились, доминирование Петра Севастьяновича уменьшилось, вероятно, в связи с его возрастом и возмужанием сыновей. Довольно большое влияние в семье теперь имеют и теща Ивана Петровича, по-видимому, женщина властная и решительная, и его жена Екатерина Никифоровна. О своем отце Иване Петро-



Иван Петрович с братом Панфилом

виче подробно пишет Глафира Ивановна Окулова-Теодорович в своих воспоминаниях (см. «В революционной семье»). Дополняя ее, Алексей Иванович, сын Ивана Петровича и брат Глафиры Ивановны, а позже и ее сын Константин Иванович Теодорович, отмечают, что Иван Петрович являлся большим мечтателем, его интересовала механизация добычи золота и мукомольного дела. Он обладал недюжинными математическими способностями. Алексей вспоминает, что Иван Петрович получил самое примитивное, масштаба начального, образование (его учила грамоте и счету деревенская дьячиха), при этом в детстве он умудрился каким-то способом решать сложные алгебраические задачи, всегда к удивлению одноклассников получая правильные ответы.

У Ивана Петровича было много идей и планов, однако практичностью он не отличался, введение им новых изобретений зачастую заканчивалось крахом. Так, он выписал из европейской России локомобиль, который хотел приспособить к до-

быче золота, но его не удалось довести до места, так как он увяз в одном из сибирских болот.

Женился Иван Петрович в 1869 году на Екатерине Никифоровне, в девичестве Ермалаевой, уроженке села Каратуз Минусинского уезда. Энергичная властная женщина, она не только руководила организацией дела и производственным процессом на приисках, но и вела домашнее хозяйство, занималась воспитанием детей. Более поздние фотографии свидетельствуют о прибавлении в семействе и росте его благосостояния.

За период процветания (около 20 лет) Иван Петрович, помимо развития золотодобычи, построил два дома — один для семьи в деревне Шошина (Красноярский край), а другой в городе Минусинске. Иван Петрович, хотя в середине жизни стал очень богат, вступил в гильдию купцов и был сибирским «хозяином жизни», всегда оставался честным и добрым человеком, не позволял себе высокомерия, грубости, купеческих загулов, не сорил деньгами. Практически не пил спиртного.

Старый семейный дом Окуловых в деревне Шошина возле паровой мельницы, построенной Иваном Петровичем Окуловым, в 1868–1870 годах был заменен на более обширный дом в излучине реки Тубы. В этом доме прошло детство и отрочество всех детей Ивана Петровича. Дом простоял не менее чем до 1930 года, сохранилась его фотография в краеведческом музее Красноярска или в архивах. Кем-то из Окуловых, возможно, Панфилом, потомком брата Ивана Петровича, уже в 1960-х годах был составлен подробный план этого дома и участка вокруг, при этом использовались воспоминания сестры Елизаветы Ивановны, в те времена младшей из «окуловского выводка», как называли детей Окуловых их друзья. Обширный одноэтажный дом имел коридор в виде буквы Г, где в коротком колене располагался рабочий кабинет Ивана Петровича, комната помощника по работе на приисках Ивана Константиновича, а также и приисковая контора. Вдоль длинного коридора слева один



Теплогорский прииск

за другим располагались два зала, соединенные арочным проемом, который закрывался занавесом. В большом зале стоял рояль, там проводились праздники и собрания, выступали молодежь и дети. Во втором зале, поменьше, располагалась домашняя столовая. Между ок-

нами стояли высокие фикусы. Стены во всем доме были облицованы широкими лиственничными досками. Среди четырех старших детей никто не обладал музыкальным слухом, а младшие дочери, Антонина и Лиза, вероятно, обучались музыке. Они могли играть на этом

рояле, как и приглашенные музыканты во время праздников. За залами дальше по коридору располагалась спальня Екатерины Никифоровны и Ивана Петровича, а дальше спальни детей. Дети жили в трех комнатах по двое: Катя и Нина, Глаша и Лиза, Алеша и Володя.

На участке был сад с яблонями и ягодными кустами, огородом, помещения для скота и другие службы. Слуг в доме не было, члены семьи обслуживали себя сами. Летом, особенно в 1870–1880-х годах, дети много времени проводили на природе, жили главным образом на приисках. Там они учились ездить верхом, братья ловили рыбу, охотились. У Алеши в 14 лет была своя лошадь, свое ружье и охотничье снаряжение. В конце XIX века, когда ссыльные революционеры вернулись в Россию, В.И. Ульянов (Ленин) оставил Алеше свою охотничью собаку Дженни.

У детей были няни, одну из них, Агапеюшку, Глафира Ивановна очень любила. Эта няня помогала растить и младших детей.



Глаша и ее няня Агапеюшка

В прогимназии Минусинска и в гимназиях Красноярска, как и везде в те годы, бродил дух протеста, ученики боролись за сохранение учителей-вольнодумцев. Это нашло отражение в письмах и воспоминаниях Екатерины Ивановны, Глафиры Ивановны, Алексея Ивановича. В то же время Глафира Ивановна упоминает о том, что в школьные годы она была религиозным человеком, глубоко переживавшим события религиозной жизни России, и только после знакомства со ссыльными революционерами взгляды ее изменились.

Религиозными были и родители «окуловского выводка». Это видно по обращениям и пожеланиям родителей в письмах к своим детям. Наиболее ранние письма Ивана Петровича наполнены хотя и сердечными, но глубоко религиозными наставлениями, и лишь в начале XX века язык его писем становится свободным от религиозных формулировок. Иван Петрович и Екатерина Никифоровна никогда не препятствовали увлечениям и взглядам де-

тей. В XX веке они уже полностью приняли их революционные взгляды. Сами воспитанные в крестьянских семьях, они всю жизнь тяжело работали, знали не понаслышке о трудностях жизни рабочего люда, поэтому им легко было понять и принять идеи социал-демократической партии и коммунизма.

Через 20 лет прииски истощились, сгорела мукомольная мельница, последовало разорение. В последующие 15–20 лет Иван Петрович продолжал интересоваться механизацией золотодобычи, получил некоторые патенты на технические изобретения, побывал в Германии и Голландии, где знакомился с механизацией золотодобычи, железнодорожного транспорта. Благодаря финансовой помощи известного инженера Е. К. Кнорре даже ездил в США, где специально изучал экскаваторы. В старости его угнетала мысль, что из-за разорения он лишен возможности в должной мере материально поддерживать своих детей.



Умер Иван Петрович Окулов от рака пищевода весной 1914 года в Малаховке под Москвой. Вся семья собралась у изголовья постели главы семьи.

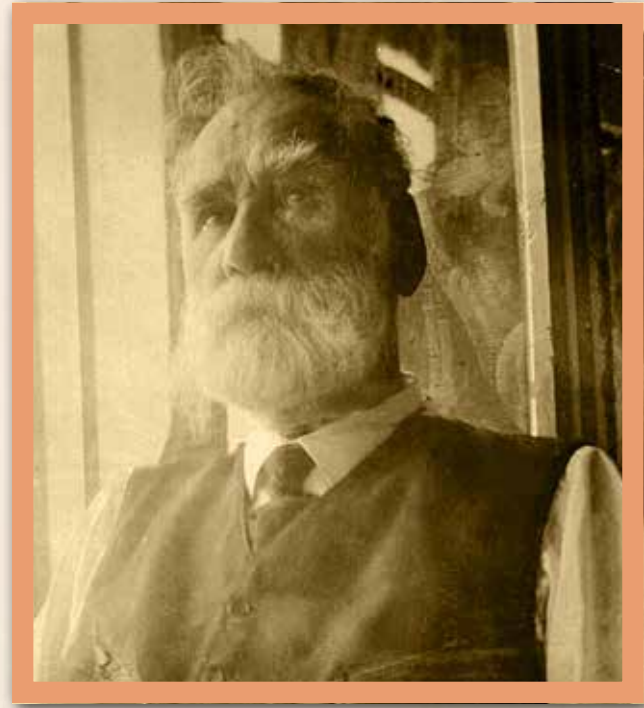
О потомках братьев и сестер Ивана Петровича мне известно немного. Дочь Панфила Петровича Елена Панфиловна (род. около 1905 года, двоюродная сестра Екатерины Ива-

новны Окуловой, моей бабушки) в 40–50-х годах XX века жила в Алма-Ате; в 1946–1953 годах она писала моей бабушке, сообщала новости о семье и детях, но потом переписка оборвалась. Дмитрий Панфилович, двоюродный брат моей бабушки, значительно моложе Елены, приезжал в Москву и гостил два-три месяца у Ирины Исааковны Окуловой (своей двоюродной племянницы, дочери Екатерины Ивановны) и у Нины Ивановны Казанской (тоже его двоюродной племянницы, дочери Глафиры Ивановны Окуловой). Поскольку он вел себя не очень корректно, продолжения контактов не было, и о потомках Панфила мне ничего неизвестно. Где-то в начале 50-х моей бабушке Екатерине Ивановне Окуловой написал Павел Иванович Белоусов, ее дядя, муж Анны Петровны (дочери Петра Севастьяновича Окулова). В год женитьбы он был крестьянином села Киприно под Невьянском и, насколько мне известно, жил там и в середине XX века. Другой информации о нем у меня нет.

Иван Петрович Окулов



1904 г.



1913 г.



Фото конца XIX – начала XX вв.



**Екатерина Никифоровна
Окулова**



Фото конца XIX в.



**Панфил Петрович
Окулов**



*Володя, Иван Петрович, Панфил Петрович, Петр Севастьянович, Алексей,
Екатерина Ивановна, Екатерина Никифоровна, Глаша и Елизавета. 1880-е годы*

ДЕТИ ИВАНА ПЕТРОВИЧА И ЕКАТЕРИНЫ НИКИФОРОВНЫ ОКУЛОВЫХ



ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА ОКУЛОВА

Первый сын Ивана Петровича Яков погиб во младенчестве. Позже родились и выжили дети: Екатерина, Глафира, Елизавета, Алексей, Антонина, Владимир.

Моя бабушка Екатерина Ивановна Окулова вспоминала, что с двух до девяти лет она жила на приисках, позже училась в Минусинской прогимназии, а с 1880 года продолжила учебу в Красноярске, где и окончила гимназию. Она, как нередко бывало в те годы, рано стала

интересоваться политикой. Особенно большое впечатление на нее произвело народничество, что, мне кажется, наложило отпечаток на всю ее жизнь. После окончания гимназии Екатерина уехала в «Россию», как тогда говорили, то есть в европейскую часть России, поступила в Москве на годичные курсы акушерок, потом на педагогические курсы при обществе воспитательниц и учительниц, позже посещала Московский народный университет им. А.Л. Шанявского.



Екатерина Ивановна

В 1889 году она была дома, в деревне Шошина, а в 1890-м поехала в Санкт-Петербург, где поступила на высшие женские курсы им. Бестужева. В те годы там училась Александра Ильинична Ульянова, сестра Владимира Ульянова. Весной 1891 года Екатерина Ивановна ездила в Поволжье на борьбу с голодом, устраивала в Самарской губернии столовую для голодающих, а осенью 1892-го уехала в Париж и поступила в Сорбонну — в университет, куда в те времена принимали и женщин. Екатерина училась сначала на юридическом, а через год перешла на исторический факультет. Всего в Сорбонне она провела четыре года. Интересовалась политикой, всегда стремилась «в народ», интересовалась его бытом, обычаями, традициями. Около двух лет проработала учительницей в азербайджанском горном селе, позже занималась организацией изб-читален, библиотечным делом. До революции везде, где было можно, организовывала обучение крестьян и солдат грамоте. Она лично

знала многих революционеров — Веру Фигнер, Софью Перовскую, Георгия Плеханова. Позже, познакомившись с марксизмом, стала его горячей поклонницей. В 1895 году к ней в гости в Москву на летние каникулы приехала сестра Глафира. Екатерина Ивановна стала «первопроходцем» «окуловского выводка». Вслед за Екатериной «в Европу» направились и остальные дети (подробнее о Екатерине Ивановне Окуловой см. в книге И.И. Окуловой «В революционной семье» и в книге моих воспоминаний «Природа. Наука. Жизнь»).

Летом 1896 года Екатерина Ивановна ездила из Парижа в Лондон на Лондонский международный социалистический конгресс. Чуть позже в ноябре сестры Екатерина и Глафира, едва вкусив московской жизни, участвовали в студенческой демонстрации, посвященной жертвам Ходынской катастрофы (погибло множество людей в давке на праздновании коронации Николая II). Как активных участниц, их забирает поли-

ция и вскоре отправляет на три года в ссылку в родительский дом в Красноярскую губернию (подробнее см. в книге «В революционной семье»). В 1897–1898 годах туда же сослали молодых революционеров В.И. Ульянова (Ленина), Г.М. Кржижановского, В.В. Старкова, В.К. Курнатовского, А.С. Шаповалова, П.Н. Лепешинского и других за участие в революционной работе. Часть ссыльных была размещена в селе Тесь в 15 км от Шошиной, В.И. Ленин — в Шушенском (80 км от Шошиной), остальные в других местах. Ссыльные тесинцы (Кржижановский, Шаповалов, Курнатовский и другие) познакомились с семьей Окуловых и стали часто у них бывать. Новый 1899-й год Екатерина Ивановна встречала в большой компании революционеров в Минусинске, где был и В.И. Ленин. Там Екатерина Ивановна познакомилась с Надеждой Константиновной Крупской, теплые отношения между ними сохранились на всю жизнь.

Екатерина Ивановна Окулова



В деревне Шошина. 1900-е гг.



С детьми. 1914 г.



В Большом Козловском переулке. 1914 г.



Исаак Григорьевич Перчихин, муж Екатерины Ивановны



Екатерина Ивановна с дочерью Ириной

Екатерина Ивановна, впервые попав в европейскую часть России, побывав в Москве, Петербурге, Киеве, была захвачена студенческой жизнью, прониклась настроениями народничества, женской эмансипации, борьбы за освобождение трудящихся от эксплуатации. Она также увлекалась стихами, всю жизнь выписывала их из книг в особые тетради и записные книжки.

Благодаря дружбе с одноклассницей по красноярской гимназии Фаней Тютрюмовой, длившейся большую часть жизни Екатерины Ивановны, она приобщилась к музыке, так как Фаня имела музыкальный талант, получила соответствующее образование и впоследствии активно участвовала в музыкальной жизни Сибири. Екатерина Ивановна не имела слуха и музыкального образования, но к музыке тянулась, любила собирать ноты романсов, народных песен, и пыталась исполнять их на рояле.

В 1898–1899 годах, когда Окуловы познакомились и подружились с политическими ссыльными, родители не препятствовали общению детей с ними. Благодаря ссыльным революционерам «окуловский выводок» познакомился с социал-демократическими идеями переустройства общества, что круто повернуло всю их жизнь и определило судьбу.

Эти революционеры стали для всех Окуловых лучшими друзьями на всю жизнь, особенно для старших детей — Екатерины, Глафиры, Алексея и Владимира.

Хотя Иван Петрович не получил даже школьного образования, он считал, что все его дети должны получить лучшее образование, и никогда не жалел денег для финансирования их поездок в европейскую часть России и Европу, где они учились в современных учебных заведениях.

ГЛАФИРА ИВАНОВНА ОКУЛОВА

Глафира Ивановна Окулова, судя по письмам и воспоминаниям родных, была самой любимой в нашей семье. Она не стала оканчивать в Красноярске 8-й класс гимназии, как и брат Алексей, который бросил гимназию еще раньше. В 1895 году Глафира уехала в Москву, где по примеру старшей сестры поступила на педагогические курсы. Подробно этот период жизни Глафиры и Екатерины описан в книге «В революционной семье».

Профессиональная революционерка, Глафира Ивановна до революции была агентом «Искры». На жизнь зарабатывала уроками, вела конторские книги. Одновременно организовывала подпольные революционные кружки в Полтаве, среди ивановских ткачей (1900–1901 годы) и среди рабочих в других городах.

В 1902 году киевская организация РСДРП была разгромлена. Глафира Ивановна переехала в Самару, где находился центр распростра-

нения «Искры». Ее подпольная кличка в этот период — «Зайчик». Позже, в том же году, Глафира Ивановна переезжает в Москву, где знакомится с Иваном Адольфовичем Теодоровичем, также профессиональным революционером. Дворянин древних польских кровей, Иван Адольфович в советское время старался это не афишировать, в биографии писал, что его отец работал на железной дороге. Позже один из родственников Ивана Адольфовича Чеслав Витоженец составил подробную родословную Теодоровичей, но, к сожалению, у меня ее нет. Иван Адольфович являлся членом РСДРП с 1895 года.

В том же, 1902-м, Глафира Ивановна была арестована за нелегальную деятельность, сидела в Таганской тюрьме и в конце года сослана на пять лет в Якутию. В это же время был арестован Иван Адольфович и также сослан в Якутию. В июле 1903 года в тюрьме они обвенчались. А через

несколько месяцев, 19 октября мать Глафиры, Екатерина Никифоровна, встретила в Красноярске поезд с арестованными и кратко с ними повидалась. Весной 1904-го Глафире Ивановне и Ивану Адольфовичу вынесли приговор, и они вместе отправились в ссылку в город Олекминск. Во время этой ссылки Глафира потеряла своего первого ребенка. В августе 1905 года Иван Адольфович бежал из ссылки, а Глафира Ивановна позже, уже в октябре, была амнистирована и добралась до Санкт-Петербурга, где в это время находился Иван Адольфович. В 1906-м у них родилась дочь Нина, в 1909-м — сын Костя. В воспоминаниях Глафира Ивановна очень красочно описывает, как она с крошечной Ниной добиралась по железным дорогам в теплушках, набитых солдатами, возвращающимися домой с русско-японской войны. Глафира Ивановна пишет, как трогательно относились к ней и к ее дочери Нине солдаты, как они помогали и оберегали их все 53 дня долгого пути. В заячем мешочке, который был сделан заранее еще

в Якутии для перевозки Нины в Россию, Глафира Ивановна прятала кроме дочки и кое-какую нелегальную литературу.

В 1908-м Ивана Адольфовича снова арестовали в Екатеринбурге и приговорили к 4 годам каторжных работ. В 1911 году его увезли в Александровский централ, а потом в Тайшет для отбытия вольного поселения. Глафира Ивановна с детьми сопровождала мужа на каторге и в вольном поселении.

В семье Окуловых и родители, и дети стремились как можно чаще встречаться друг с другом. В 1908 и 1909 годах Глафире Ивановне и Екатерине Ивановне с детьми удалось провести летний отдых в финской деревне Олела на берегу Финского залива недалеко от Санкт-Петербурга. В 1908-м туда, кроме семей Екатерины и Глафиры, приехали и их родители Иван Петрович и Екатерина Никифоровна Окуловы.

Глафира Ивановна совмещала семейную жизнь с активной революционной работой. В 1917 году

она участвовала в работе революционных правительств Сибири, а в 1918-м работала под руководством Я. М. Свердлова во ВЦИКе и стала одним из авторов первой конституции РСФСР. В годы Гражданской войны являлась военным комиссаром. Позже занималась организацией коммунистических вузов в Екатеринбурге, Москве, Рязани. В 1937–1939 годах были арестованы и уничтожены в ГУЛАГе И. А. Теодорович, тоже профессиональный революционер и член правительства в первые годы революции в Москве, а вслед за ним и брат Глафиры Ивановны Алексей, а чуть позже и муж Нины Ивановны (дочери Глафиры Ивановны) Евгений Сергеевич Казанский, молодой и доблестный красный генерал, разгромивший басмачей в Туркмении и других районах Средней Азии.

Нину, к тому времени растившую сына Володю, арестовали как жену врага народа и сослали в Магадан на долгие двадцать лет, ее сын ушел в армию, едва достигнув шестнадцати лет.

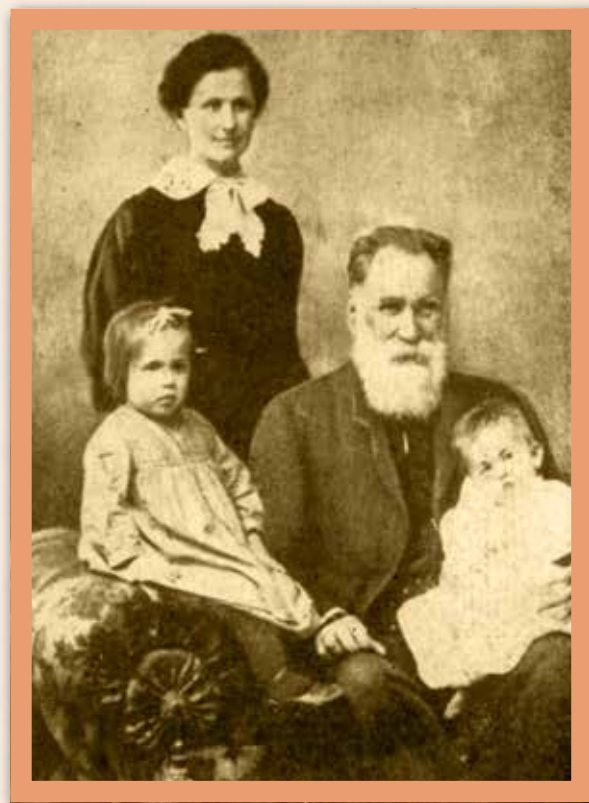
Таким образом биография Глафиры Ивановны после 1937 года была «подмочена» родством со многими «врагами народа», да и возраст был у нее уже почтенный. В то время она занималась организацией «Дома книги» для детей, сама проводила там выступления с чтением драматических отрывков, организовывала другую работу. Глафиру Ивановну, которой в начале Великой Отечественной войны было за шестьдесят, командировали заведовать интернатом на 100 детей, вывезенных из Москвы в начале войны в небольшое местечко Сива в Предуралье. Героически добывая жилье, дрова и продукты, обеспечивая детей всем необходимым, Глафира Ивановна добилась звания лучшего интерната, и привезла подросших уже детей в целости и сохранности в Москву по окончании войны.

В 1950-х годах она стала работать в Музее революции, занималась фондами знакомых ей деятелей революции, прежде всего Г.М. Кржижановского, известного ей еще по XIX веку в Сибири.

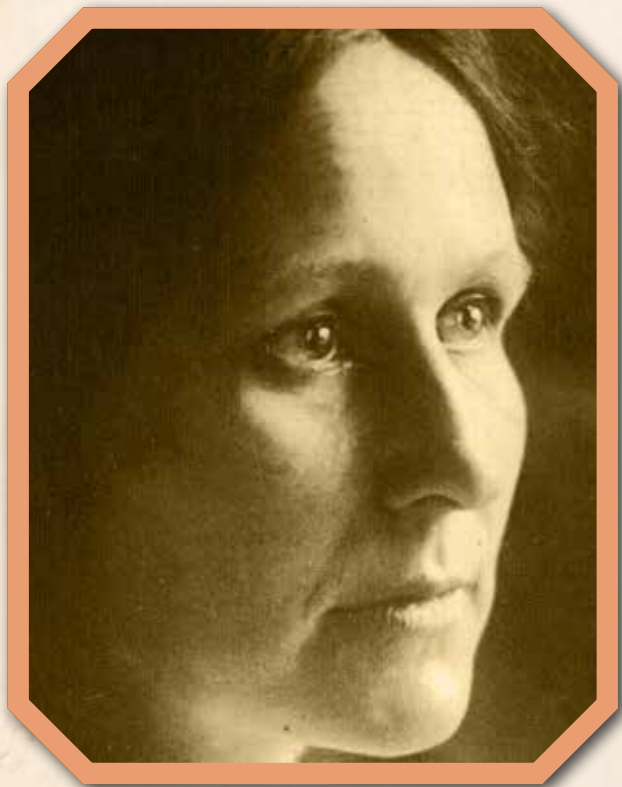
Глафира Ивановна Окулова



*Глаша с бабушкой Евпраксией
Николаевной Федоровой. 1880 г.*



Глаша, И.П. Окулов, Костя и Нина. 1907



1919-1920 гг.



Глаша в буденовке. 1919-1920 гг.



Лето 1927 г.



1950-е гг.



В музее революции. 1957 г.



Костя Теодорович, сын Глафиры Ивановны



*Костя Теодорович, Ирина Окулова,
Нина Теодорович. 1915 г.*



Екатерина и Глафира Окуловы. 1914 г.



Глафира и Екатерина Окуловы. 1950-е гг.



Константин Теодорович. 1960-е



Рисунок К.И. Теодоровича



*Клавдия Григорьевна Теодорович,
жена Константина Теодоровича
(Фронтной театр оперетты)*





Константин Теодорович



Клавдия Теодорович



Костя и Клавдия Теодоровичи. Осень 1961 г.



*К. Теодорович (справа)
за игрой в шахматы*

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ОКУЛОВ

Алексей Иванович, яркая личность, прошел типичный путь российского революционера — побывал в царских тюрьмах, после революции возглавлял первые советы, стал членом ВЦИК, в 1930-е годы был репрессирован, а в 1950-е — реабилитирован. Начальное образование получил в Красноярской гимназии, затем переехав в Киев, окончил там в 1896 году гимназию. С 4-го класса участвовал в работе нелегальных политических кружков.

В 1899-м на средства друга отца Е. К. Кнорре Алексей выехал за рубеж. В Женеве под руководством Г. В. Плеханова основал революционный клуб русской молодежи. Интересовался биологией, слушал лекции в Женеве по естественным наукам. В 1901-м вернулся в Россию отбывать воинскую повинность в Екатеринбурге. Жил там до 1902 года, работал в газете.

Алексей Иванович хотел стать театральным драматургом и в 1902 году поступил на режиссерские курсы в Московский художественный театр. Сохранилась открытка, где изображена сцена из спектакля МХТ с участием Алексея, снятая в его студенческие годы.

В 1903-м по рекомендации Николая Эрнестовича Баумана он вступил в ряды РСДРП. После окончания театрального училища уехал в Вологду, где руководил театральным объединением в клубе, совмещая это с революционной деятельностью. В 1905 году Алексей Окулов руководил боевой дружиной, которая арестовала губернатора и несколько дней удерживала власть в городе. Потом он перебрался в Петроград, где в 1906–1907 годах под партийной кличкой Антон вел нелегальную пропаганду. Затем Алексей Иванович эмигрировал во Францию, куда в это время приехали его

старшая сестра Екатерина Ивановна с дочерью Ириной. Вернувшись в Россию в 1913 году, он был арестован и осужден на три с половиной года.

В 1916-м после освобождения из тюрьмы, Окулов был зачислен в царскую армию, однако через несколько месяцев вновь был арестован за пропаганду большевистских идей в войсках и передан Московскому военно-окружному суду. Обвинение в пропаганде доказать на суде не удалось, и Алексея Ивановича направили в дисциплинарный батальон, но из-за болезни дали месячный отпуск. Он приехал в Красноярск в феврале 1917 года и сразу был избран председателем Красноярского Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Затем Алексей Окулов стал членом губернского комитета РСДРП(б) и председательствовал в губернском исполкоме Енисейской губернии. В августе 1917 года он занял должность председателя нелегального съезда революционных Советов Средней Сибири.



1914 г.

Алексей Иванович Окулов



Гимназические годы, 1890-е гг.



В Киеве. 1913 г.



А.И. Окулов с женой Валентиной. 1913 г.



1920-е гг.

Алексей Иванович Окулов совмещал революционную деятельность с литературной. Он опубликовал несколько стихотворений, повестей и рассказов — они вышли в газете «Красноярский рабочий» (1920), в книге «Заметки Иванова» (М., 1926), посвященной гражданской войне, и в автобиографической книге «Юность» (М., 1958).

Осенью 1917 года Алексей Окулов покинул Красноярск и уехал в Петроград, где занимался политической деятельностью. В 1918-м он стал членом Революционного военного трибунала республики, членом Реввоенсовета Западного, а затем Южного фронта и чрезвычайным уполномоченным Совета рабоче-крестьянской обороны по инспектированию воинских

частей на Украине. Окулов являлся делегатом восьмого съезда РКП(б), где выступил с критикой «военной оппозиции». В сентябре 1919 — феврале 1920 годов Алексей Окулов возглавлял 43-ю стрелковую дивизию Южного фронта, в мае-октябре 1920-го являлся военным комиссаром Восточно-Сибирского военного округа, а позднее — командующим войсками этого округа. Окулов был членом ВЦИК 3-го и 4-го созывов.

В конце 1936-го Алексей Окулов был исключен из ВКП(б), а в декабре 1937 года приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Он умер в заключении в Амурлаге, в городе Свободном. В 1950-х годах реабилитирован посмертно.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ОКУЛОВ

Младший сын Окуловых, Владимир, более скромный и мягкий, более меланхолический, чем Алексей, всегда стремился быть похожим на старшего брата. Володя, окончив среднюю школу в Красноярске, уехал в Москву и решил стать художником. Учился в школе живописи, ваяния и зодчества в Москве у известного художника Константина Коровина, но уже в 1914–1915 годах, приехав во Францию, забросил живопись и окончил курсы электромехаников — эта специальность была куда более востребована. Вернувшись в Россию, работал электриком на первых российских электростанциях. С началом революции оказался почти со всеми Окуловыми в Красноярске. В 1918-м Владимир заведовал вопросами связи в революционном правительстве в Красноярске.

Когда началась гражданская война, и колчаковцы вошли в город, руководство революционного правительства не имело войск для личной

защиты. Члены революционного правительства сели на пароход и сплавлялись вниз по Енисею. В районе поселка Туруханск их нагнали колчаковцы и привязали в тайге к деревьям в самый разгар сезона комаров. Комары выпили из них кровь, и они погибли. Пять человек из них похоронены на высоком берегу Подкаменной Тунгуски. Кем был Владимир Окулов, никому из хоронивших их местных жителей не было известно, написали «красноармеец». К сожалению, никто из родных не знал, где погиб Володя, а моя бабушка Екатерина Ивановна еще в 50-е годы XX века считала, что может быть он жив: «...вот откроется дверь, и Володичка войдет». Он был гораздо моложе, чем Екатерина Ивановна, и по возрасту вполне мог еще быть живым. Когда я в 1972 году совершала туристическую поездку вниз по Енисею от Красноярска до Норильска, то впервые за все эти годы увидела и сфотографировала его могилу.

Владимир Иванович Окулов



1886 г.



1892 г.



Гимназист Володя. Красноярск, 1890-е гг.



Вологда. 1910-е гг.

АНТОНИНА И ЕЛИЗАВЕТА ОКУЛОВЫ

Сестры Антонина и Елизавета окончили среднюю школу в Сибири. Политикой, в отличие от других революционно настроенных членов семьи, они никогда не интересовались. Младшие сестры были обычными провинциальными барышнями, их занимали развлечения, наряды, молодые люди... Старшие сестры — Екатерина и Глафира — несколько осуждали и считали легкомысленными младших сестер за их стремление к театральной богеме в Киеве и красивой внешности, за увлечение артистическим миром и любовь к нарядам. Отголоски этого осуждения доходили и до моих ушей уже в 50-х годах XX века в разговорах у нас дома.

Антонина Ивановна, сильная и страстная личность, вышла замуж за молодого киевского инженера Александра Раткова, посвятила себя семье, воспитывала сына Алешу. После окончания гимназии образования

Антонина не продолжила. При советской власти работала секретарем-машинисткой, как и младшая сестра Елизавета, мечтавшая в молодости стать актрисой, даже работавшая в одном из киевских театров, где встретила свою любовь. Но получить театральное образование Елизавете не удалось — во время гастролей в Риге она смертельно расстроилась со своим женихом-актером, бросила и театр, и жениха навсегда. Позднее она вышла замуж за киевского студента, который стал потом инженером, а еще позже — белым офицером.

Во время революции и гражданской войны обе младшие сестры лишились мужей. В чем причина — в личных отношениях или в политике — не знаю. Последние несколько десятилетий они жили одиноко в своей московской квартире. Там же до 1937 года жил



Компания в Киеве

их брат Алексей Окулов с женой Валентиной и дочерью Наташей. Валя, жена Алексея Ивановича, погибла вскоре после его ареста.

Судьба Наташи также сложилась печально. Ей, как дочери врага народа, путь в высшие учебные заведения был заказан, она пополнила когорту еропкинских женщин-секретарш. Семья тоже не удалась, у нее был трудный удел обреченной быть «без вины виноватой» за отца. Потом у Наташи проявилась полученная от матери шизофрения, и она покончила жизнь самоубийством.

У Елизаветы Окуловой детей не было, она жила вместе с Алексеем, его женой и потом с дочерью Наташей, с сестрой Антониной, ее сыном в одной квартире в Еропкинском переулке в Москве. В этой же квартире жили следующие поколения семьи, сын Алексея Окулова — Игорь со своим семейством.

Антонина Ивановна умерла от голода под новый 1942-й год, а Елизавета Ивановна ушла из жизни в 70-х годах.

**Антонина Ивановна
Окулова**



С няней. 1881 г.



1892 г.



Антонина Окулова



С сыном Алешей. Киев, 1913 г.

Елизавета Ивановна Окулова



2-й класс гимназии, Минусинск



1899-1900 гг.



Київ, 1903-1906 гг.

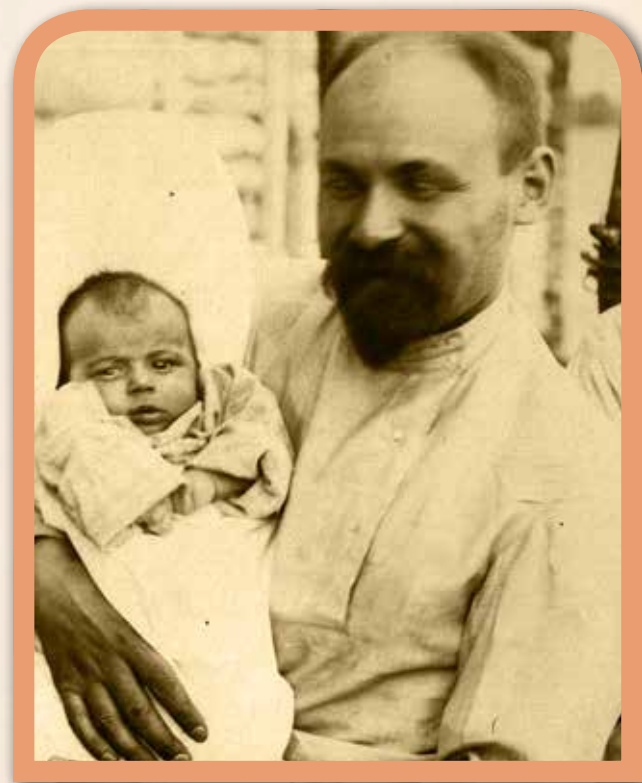


Конец 1960-х гг.

ИРИНА ИСААКОВНА ОКУЛОВА

Моя мама, Ирина Исааковна, родилась 1 июля 1904 года в селе Мещерское Вологодской губернии. Там же работал муж моей бабушки Екатерины Ивановны — Исаак Григорьевич Перчихин. В столицах он пребывать не мог, так как в те годы евреи должны были жить «за чертой оседлости». И. Г. Перчихин работал фармацевтом в местной психиатрической больнице. Исаак Григорьевич и Екатерина Ивановна с дочерью Ириной жили в Мещерском в течение трех лет.

В соответствии с традициями семьи во второй половине лета в Мещерское приехали сестры Екатерины — Антонина и Лиза, заезжали и родители. В 1906 году Перчихин с семьей переехал в Вологду. К ним приезжала сестра Глафира с дочерью Ниной. В Вологде также жил и их младший брат Владимир Иванович. В 1906-м Екатерина Ивановна бывала с дочерью



И.Г. Перчихин с дочерью в Мещерском, 1904 г.

и в Санкт-Петербурге. Там она встречалась с сестрой Исаака Григорьевича Полиной Григорьевной и ее мужем Тамариным. Иногда они прогуливались с Ириной в коляске по заснеженному петербургскому парку, а позже бабушка Екатерина Никифоровна гуляла с внучками Ириной и Ниной по улицам города на Неве.

В 1910 году Исаак Григорьевич Перчихин с женой Екатериной Ивановной Окуловой и дочерью Ириной едут во Францию, живут в Париже до 1913 года. Но в 1913-м у Ирины Исааковны (моей мамы) нашли туберкулез подчелюстных желез. Для лечения Екатерина Ивановна повезла дочь в Алупку, в санаторий им. А. А. Боброва, самый известный детский туберкулезный санаторий. Екатерина Ивановна, большая любительница фотографировать, много снимала детей, персонал, Ирину в санатории. Мать и дочь совершали поездки по Крыму от Алупки до Симеиза, через Байдарские ворота и в другие места. Позже, когда Ирина уже поправилась, Екатерина Ивановна позволяла ей лазить по скалам у Черного



Ирина в санатории им. А.А. Боброва. Весна 1913 г.

моря, с увлечением снимала местных жителей, виды, дочь среди камней. В 1920 году Ирина была делегатом 3 съезда ВЛКСМ, после войны закончила школу рабочей молодежи. Позже первых комсомольцев нередко приглашали для выступлений в школах и на советских митингах.

Всю жизнь «птенцы окуловского выводка» и их родители стремились быть вместе — на учебе (Москва, Киев), за границей — старшие «обживали» новые места, к ним приезжала молодежь, а потом и родители навещали. Так, в Киеве поселился, приехав из Сибири еще в школьные годы, Алексей, к нему заезжали старшие сестры, а позже переселились и младшие, прожившие там значительную часть жизни, нашедшие там свою судьбу — профессию, мужей. Там родился сын Антонины Алеша. Туда приезжали к ним и родители.

Позже, уже в 1904 году, когда у старшей сестры Екатерины в деревне Мещерское Вологодской губернии родилась дочь Ирина, туда тоже приезжали братья и сестры. Нередко в разном составе они вместе жили в Москве, под Москвой, в Петербурге, вместе ездили с детьми отдыхать в финское курортное местечко Олела. Переехав после революции в Москву и став значительным государственным деятелем, Алексей Иванович, как и в Киеве, взял на себя заботу о сестрах, в 1920-х годах добыл шестиметровую комнатку



Глафира Ивановна с детьми в Олела

для старшей сестры Екатерины с дочкой Ириной в Глазовском переулке, а для себя и младших сестер — довольно большую квартиру неподалеку от Кропоткинской (ранее и ныне — Пречистенка), в Еропкинском переулке, где члены семьи прожили больше пятидесяти лет.

В начале XX века Екатерина Никифоровна приезжала к дочери и внукам в Тайшет и другие места Восточной Сибири, куда мужа Глафиры Ивановны и ее саму ссылали за революционную деятельность. В Тайшет приезжала к ней сестра Катя и оставляла на лето свою дочь Ирину в семье Глафиры, где росли ее собственные дети Нина и Костя. Насколько я знаю, семью никогда не раздирали крупные ссоры, хотя конфликты, конечно, были с Екатериной Никифоровной по поводу ведения хозяйства, строек, управления приисками, например. Но они не выходили за пределы делового обсуждения.

Следующее поколение, обитающее в Еропкинском переулке, оказалось состоящим всего



В Тайшете. В центре — И.И. Окулова

из одного человека — сына Антонины Ивановны Алексея. Он вырос, стал фотографом, довольно обаятельным, но совершенно обыкновенным человеком, побывал на войне, любил рыбалку и водочку с мороза. Его жена Клавдия подарила ему сына Игоря. Отец возил его на рыбалку, и Игорь полюбил это занятие настолько, что окончил биофак МГУ и стал специалистом-ихтиологом. К сожалению, о его современном статусе я ничего не знаю. Кажется, он много лет проработал большим начальником по линии рыболовства. Как я слышала, у него родилась дочь Ксения, а у нее — следующее поколение потомков.

Потомков в нашей ветви Окуловской семьи осталось мало. От дочери Екатерины Ивановны Ирины — дочь Наталия, это я. У меня детей нет. Не было потомков также у сестры Екатерины Ивановны Елизаветы и у ее брата Владимира. Нет продолжателей рода и у Алексея Ивановича.

Константин Иванович, сын Глафиры Ивановны, был художником-графиком, делал

в 1920–1930-х годах иллюстрации для газеты «Гудок» и других изданий, вращался в художественной богеме, был знаком с Сергеем Есениным. Позже счастливо женился на молодой певице Клавдии Григорьевне Шаблеевой, которая пела в провинциальных оперных театрах и в оперетте в провинции (в Тифлисе и других городах). Перед войной Клавдия Григорьевна выступала, кажется, в Московском театре оперетты, и когда началась война, ее с театром эвакуировали в Уфу, где они с мужем прожили несколько лет, выезжая с фронтовыми бригадами и давая спектакли по стране. Константин Иванович обладал музыкальным слухом и приятным баритоном, поэтому он тоже работал в театре и выезжал на фронт и на гастроли.

После войны он стал работать как художник в Музее революции СССР, но в 1951 или 1953 году был арестован как сын врага народа и около пяти лет проработал на строительстве Волжской ГЭС в качестве рабочего. Вернувшись, снова работал в Музее революции. Константин прожил

с женой долгую жизнь, полную нежности и взаимопонимания, но детей у них не было.

После смерти матери он сделал бюст Глафиры Ивановны, при создании которого использовал фотографии, в том числе и мои, что было мне приятно. Бюст отлит в бронзе и стоит на могиле Глафиры Ивановны Окуловой на Новодевичьем кладбище.

У Глафиры Ивановны остался внук Володя (сын дочери Нины). В 1951 году я его видела — прошедший всю войну, бравый, как Василий Теркин, энергичный, но, увы, пристрастившийся к алкоголю с армейских времен. Он окончил

строительный институт, работал московским строителем, живя в бабушкиной квартире на Спиридоновке. Дважды женился.

Дочь Владимира, внука Глафиры Ивановны, Евгения выросла красавицей, у нее в свое время родился сын Иван, которому в начале 1970-х было года два. С тех пор мне о них ничего не известно.

Таким образом, кроме меня и Евгении, на свете сейчас живут потомки Глафиры Ивановны и ее правнучки Евгении, а также потомки Антонины Ивановны, ее правнук Игорь Ратков и его потомки.

Ирина Исааковна Окулова



Полтора года



В Париже. 1910 г.



С родителями в Париже



Начало 1930-х гг.



Делегаты 3-го съезда ВЛКСМ. Ирина Исаковна — 3 справа в 3 ряду. 1920 г.



*Ветераны ВЛКСМ. Весна 1964 г.
Ирина Исааковна — в центре 2-го ряда*

Выступление на митинге. 1968 г.



НЕКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ СЕМЬИ



В нашей семье сохранился купеческий обычай пить чай из блюдечка. Так пила чай моя бабушка, а потом и я, пока не вошли в обиход большие кружки.

В оформлении жилища большое значение имели личности хозяек. Екатерина Ивановна интересовалась главным образом гуманитарными дисциплинами, имела склонность к музыке, но домашнее хозяйство не любила. Я думаю, такое отношение сохранилось у нее с молодости, когда она боролась за женскую эмансипацию («Нет, лучше сгинуть в стуже лютой! Покоя нет! Уюта нет!»). Не было у нее долго и постоянного дома — в сибирской глуши она жить не хотела, а приобрести жилье в столицах ее отец к тому времени уже не мог, так как был близок к разо-

рению и достаточных средств не имел. Поэтому, когда мы уже жили в своей комнате в Глазовском переулке в Москве, особого уюта там не наблюдалось. Обстановка была случайной, прагматического назначения — разномастные стулья, диван, железная кровать и ореховый комод. Шкаф для одежды долгое время вообще отсутствовал, его заменяли гвоздики на створке двери, которая не открывалась, одежды было совсем немного, ее носили годами до полного износа. Только уже в 50-х годах XX века я стала бороться за какое-то единство стиля, уют, за шкаф и занавески на окнах. Мне тогда хотелось, чтобы все было «как у всех».

Глафира Ивановна, несмотря на ее революционное и боевое прошлое, была очень жен-

ственной, ценила красоту и уют в доме, в одежде, по возможности старалась украшать свои, тоже временные, жилища при полной бедности в ссылке и вне ее. Глафира Ивановна любила декорировать дом природными красивыми веточками, мхом, сухими растениями и цветами, причудливыми сучками. Она делала интересные композиции, картины, рамки из этих материалов, это придавало дому изысканность и красоту. В старости она серьезно занялась созданием композиций из засушенных растений, сама собирала и делала гербарий. Свои поделки она дарила родным и знакомым. После смерти Глафиры Ивановны ее сын Константин устроил выставку этих композиций в Музее революции, где последние годы работала его мать.

В одежде Глафира Ивановна тоже придерживалась определенного стиля, в основном в соответствии с модой начала XX века, но с максимально упрощенной отделкой, приятным сочетанием цветов и форм. Одежду

для себя и дочери она всегда шила (или переделывала из старого) сама, поэтому выглядела оригинально и стильно. Все это, в сочетании с чистотой и порядком в доме, производило впечатление большой хозяйственности и уюта. Когда я девочкой 8–12 лет приезжала с бабушкой к ним в гости на Спиридоновку, Глаша (так ее звали все в семье, и я в том числе) учила меня шить разные мелкие, но красивые вещи вроде подушечек для иголок, салфеток и т. п.

Еще более домовитой и хорошей хозяйкой стала дочь Глафиры Ивановны Нина Ивановна. Еще со школьных времен ей нравилось заниматься домашним хозяйством, она училась у старших печь пироги, приобрела практические навыки домоводства, любила сад и огород. Это помогло ей выжить в период 20-летнего пребывания в лагерях: там ее способности в домоводстве обнаружил некий высокий чин НКВД, он забрал ее в Магадан и определил домашней работницей в свой дом. В этой семье оказались

порядочные люди, которые ничем не угнетали Нину Ивановну, она старалась им помогать, благодаря чему спаслась от лагерной смерти.

Младшие сестры, Антонина и Елизавета, в начале XX века в Киеве, будучи близки к артистическому образу жизни, одевались в соответствии с модой тех времен; сейчас их шляпы выглядели бы довольно странно, но тогда, вероятно, отражали эстетические взгляды женщин искусства. Повзрослев, они при советской власти стали мелкими служащими госучреждений, одевались скромно и обыкновенно, не проявляя какого-либо интереса к украшению себя или своего жилья. Дом в Еропкинском переулке запомнился мне как темный, не очень уютный и довольно холодный. Впрочем, я бывала там только девочкой.

Летом мы нередко ездили на дачу в Кратове, так как Глафире Ивановне ее давали в пожизненное пользование как деятелю Революции и советской власти. Иногда жили там неделю или несколько дней.

Семейные сборы в дни праздников 7-го Ноября, 1-го Мая и в дни рождения Екатерины Ивановны стали доброй традицией. Они проходили у нас в 16-метровой комнате в коммунальной квартире в Глазовском переулке. Раздвигали стол, все усаживались вокруг него, в тесноте, да не в обиде. В день Октябрьской революции праздник начинался с того, что все стоя исполняли «Интернационал». Это происходило не из стремления продемонстрировать свою лояльность к власти, а потому, что дело революции стало делом жизни старших членов семьи, и Глафира Ивановна с Екатериной Ивановной всегда инициировали это пение. Еда была нехитрой, иногда Нина Ивановна (дочь Глафиры Ивановны) приносила пироги, а чаще покупались готовые торты. Ничего спиртного никогда не пили. Став взрослой, я даже боролась с этим обычаем, так как мне казалось, что в небольших масштабах вино разнообразит праздники, но вплоть до смерти

моей мамы (1994 год) вино на нашем семейном столе отсутствовало.

Семейные встречи прекратились со смертью моей бабушки Екатерины Ивановны в 1953 году. В 1957-м умерла и Глафира Ивановна. Моя мама, Ирина Исааковна, ездила в гости к детям Глафиры Ивановны, дружила до самой смерти с ее дочерью Ниной Ивановной, ухаживала и за сыном Глафиры — Костей и его женой в годы их болезней в 1960-х, участвовала в организации их похорон.

После 1950-х годов семья распалась, ни у нас, ни у других родственников не было особого стремления к общению. Видимо, это стало традиционным явлением для тех лет, когда Москва разрасталась, ездить друг к другу становилось все сложнее, а потомки «окуловского выводка» все меньше общались между собой, отдалялись друг от друга. Заботы близкого круга семьи, проблемы на работе выходили на первый план.

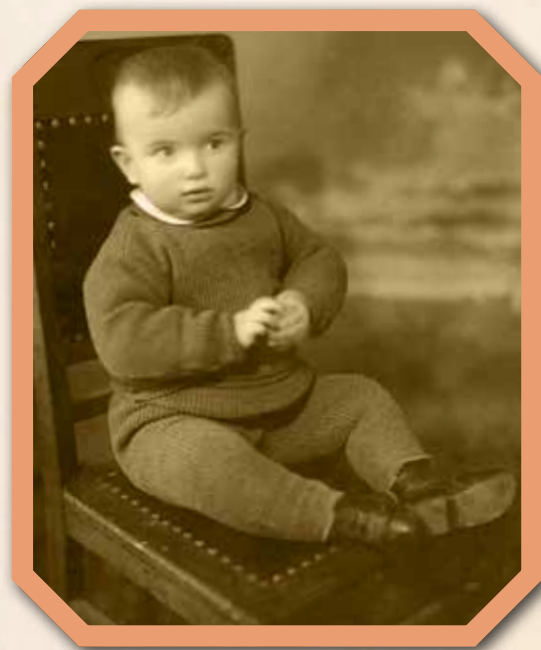
А жаль...



Наталія Міхайловна Окулова



Полтора месяца. 1935 г.



Январь 1937 г.



С мамой. 1940 г.



С Женечкой Казанской. 1950-е гг.



Наталья Окулова, 1947 г.



В школьные годы



2-й курс биофака МГУ. Наташа Окулова — 3 слева во втором ряду. 1955 г.



Зоологическая группа в Латвии. 1975 г.



С коллегой и другом Ириной Николаевной Гавриловской. 1992 г.



2005 z.



В Соединенных Штатах Америки. 2010-е годы

Уральский род Окуловых
История и судьба

Предпечатная подготовка
ООО «Комментарий»
123557, Москва, Электрический пер., 3/10 стр. 1, оф. 313
www.kommentariy.com

Ответственный редактор Л. А. Хляп
Корректор Н. А. Надеждина
Дизайн и верстка А. Е. Простов

В альбоме использованы фотографии
из семейного архива Окуловых

Фото на обложке:
Екатерина, Владимир, Глафира,
Антонина, Елизавета и Алексей Окуловы

Отпечатано в ООО «Авиатор»